

Неповторимая

Элина
Быстрицкая

Красавица
с
характером

Юлия Игоревна Андреева
Элина Быстрицкая.
Красавица с характером
Серия «Неповторимая (Алгоритм)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25554245

*Элина Быстрицкая. Красавица с характером / Юлия Андреева:
Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906979-25-4*

Аннотация

Ее завораживающей красотой любовалась вся страна, в то время как сама актриса часто становилась заложницей этого всеобщего восхищения – ведь его нередко сопровождала зависть. Слава неприступной красавицы с твердым характером закрепилась за ней с юности, хотя сама она свою внешность не считала неординарной. «Мне никогда в детстве не говорили о моей внешности...» – признавалась она. В 1955 году она успешно прошла пробы на роль Аксиньи в «Тихом Доне» Сергея Герасимова. На эту роль претендовала ученица режиссера Нонна Мордюкова, из-за отказа она чуть было не покончила с собой. Но на кандидатуре Быстрицкой настоял сам Михаил Шолохов, увидев в ней настоящую героиню своего романа. Роль Аксиньи стала актерским триумфом Быстрицкой. «Тихий Дон» признали

фильмом года – 1957, его посмотрели 47 млн зрителей. О том, какие личные трагедии скрывала в своем неприступном и гордом взгляде самая красивая актриса прошлого века, рассказывает новая книга Юлии Андреевой.

Содержание

Девочка и война	5
Актерская профессия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Андреева Элина Быстрицкая. Красавица с характером

Девочка и война

– Элина, расскажите про войну?

– Мне трудно вспоминать, как это было: не то чтоб не хочу или забыла, а нужно говорить за всю страну.

Николай Манацков

Над черным полем порхали белые уголки солдатских писем, они вылетали из развороченного бомбой черного, обгорелого чрева пульмановского вагона, беспомощно кружась в пахнущем гарью воздухе и оседая на черную выжженную землю. Письма с фронта домой, весточки из дома.

Кто теперь соберет в поле черном их белый урожай? Кому собирать?

В который уже раз Элина просыпалась в холодном поту, давясь слезами и собственным бессилием. А действительно, что она могла тогда сделать – худенькая девчонка в санитарном вагоне, когда их поезд летел сквозь эту белую метель чьих-то надежд и тревог? Не скажешь же: дяденьки, тетень-

ки, давайте остановимся и вернем все на свои места. Не бро-
сишься в обугленную степь за чьим-то ускользящим сча-
стьем. Больше всего изматывала мысль: вдруг все-таки что-
то можно было сделать? Элина бросилась к смотревшим на
происходящее со слезами на глазах раненым, уверяя их, что
письма непременно кто-нибудь соберет, что все они обяза-
тельно доберутся до своих адресатов, что все будет хорошо и
вообще скоро войне конец. Она лепетала, стараясь сдержи-
вать слезы; в то время она уже несколько месяцев не полу-
чала вестей от воюющего где-то под Сталинградом отца. А
ведь среди тех выброшенных в поле писем могло быть и его
письмо.

Черно-белый ужас недавней войны вот уже сколько лет
нет-нет да и пробирался в сны Элины Быстрицкой, заставляя
ее переживать все снова и снова.

Элина Быстрицкая в детстве. 1930-е гг.

Когда началась война, Элине было тринадцать лет – явно непризывной возраст, да еще и девочка. Отправилась бы, как и все, в эвакуацию – никто бы и слова против не сказал. Тем не менее через неделю после начала войны Элина пошла в госпиталь, где служил ее отец¹, и попросила пропустить ее в

штаб. Конечно же, было проще уговорить самого отца дать ей работу в госпитале, но Элина не желала себе никаких по-блажек. Поэтому, заметив у дверей часового, она смело направилась прямо к нему.

– Пропустите меня к комиссару.

Оказалось, без пропуска нельзя. Удачно, что много раз, сокращая путь до отцовского кабинета, Элина с сестрой перелезали через ограду, так что и в этот раз она воспользовалась привычной дорогой. Должно быть, в самом начале войны часовые еще вели себя расслабленно и проглядели появление на охраняемом объекте посторонней. Иначе могли бы и пальнуть, а потом разбираться, зачем девчонка полезла куда ее не просили.

В штабе она без труда нашла кабинет комиссара, вошла и с порога заявила:

– Хочу помогать фронту.

– Что ты умеешь делать? – с удивлением спросил комиссар.

– Для фронта я умею делать все.

Женское лицо войны. Девушки-снайперы на марше.
1944 г.

Последовала недолгая пауза; должно быть, военный размышлял, что именно он может поручить настырной девчонке, чтобы она не надорвалась, не травмировалась и при этом действительно принесла хоть какую-то пользу. О том, что Быстрицкая не отстанет, он уже догадался по лихорадочному блеску ее темных глаз.

– Хорошо, будешь работать в нашем госпитале. Разносить раненым почту, писать им письма под диктовку, читать газеты и книги...

Это было действительно мудрое решение. Вежливая, воспитанная девочка, которая будет выполнять мелкие поруче-

ния, – что еще нужно? Кусочек мирной жизни – кто-то, смотря на Элю, вспомнит оставленную дома дочку, кто-то – младшую сестру. Военным людям просто необходимо время от времени общаться со штатскими, тем более если это домашняя девочка с двумя тугими косичками и нежной улыбкой. Пусть в свободное время декламирует стихи, поет песенки, читает принесенные из дома книжки.

Первое время Элю не ставили на довольствие, проверяли, выдержит ли, не сбежит ли при виде первой крови. Не сбегала, все выдержала, прижилась, осталась, стала своей.

Госпиталь располагался в городе Нежин на Украине, в том самом лицее, в котором с 1821-го по 1828 год учился Н. В. Гоголь. Когда в 1948 году Элина придет туда на первый курс педагогического института, ужасы войны вдруг словно окружат ее со всех сторон, как прятавшиеся до поры до времени в толстых стенах замка фамильные привидения. Так что юная студентка вдруг вспомнит все: дни, проведенные в госпитале, один за другим, каждый стон, каждую просьбу принести воды, каждое прочитанное вслух письмо. В классах, в которых ей предстояло учиться, во время войны располагались госпитальные палаты. Так что она вдруг вспомнила всех, кто лежал там, поименно. К слову, в Нежине госпиталь находился совсем недолго, список получился большим, но не бесконечным.

Нежин – город в Черниговской области Украины.
Здесь прошло военное детство Элины Быстрицкой.

«Когда настало лето 1941 года, мы решили, что каникулы проведем у папы. Перед отъездом мама понесла в починку примус. Слесарь ей сказал:

– Куда вы едете, мадам? Будет война!

– Не говорите глупостей! – решительно ответила моя оптимистка-мама...»

(Элина Быстрицкая)

Когда наши войска начали отступать, госпиталь сняли с места и, погрузив в поезд, погнали по всем фронтам.

Так тринадцатилетняя девочка оказалась в самом сердце войны. На счастье, хотя какое там счастье, мама² и сестренка³ ехали в том же поезде. Семья не пожелала расставаться. «Я пишу деликатно: отступать... – объясняет в своей книге „Встречи под звездой надежды“ Э. А. Быстрицкая⁴. – Фронт быстро докатился до нашего городка. Из Нежина лаборато-

рия, которой руководил мой отец, и еще какое-то подразделение госпиталя выбирались на крытых грузовиках. Весь остальной личный состав уезжал поездом. Мы должны были соединиться на небольшой станции Готня под Харьковом.

Наши грузовики ехали по дорогам мимо сел и горящих полей. Неубранный хлеб сжигали, чтобы ничего не досталось врагу. А урожай в то лето выдался богатый... Низко стелился дым, пламя катилось по полям, и казалось, это сгорает наша прежняя жизнь.

Чтобы проскочить через пожарища, мы поливали брезент кузова водой. Это был ужас, и не верилось, что нам удастся выбраться из огненной западни. Первую ночь мы провели в сарае вместе с кроликами. Радовались, что над головой была крыша.

Мы ехали через Сумы. Карты не было, дорогу спрашивали у местных жителей, один раз нам ее неправильно показали, и мы едва не попали к немцам. Обстановка сложилась такая, что невозможно было понять, где враги, а где наши.

Все-таки добрались до Готни, и там был развернут наш госпиталь. Не успели принять раненых, как нас отправили дальше. Фронтовики помнят, что тогда творилось под Харьковом и на Северском Донце: наши войска наступали, отступали и в конце концов попали в окружение, которое позже получило название „харьковской мясорубки“. наших бойцов и командиров полегло там несчитанное количество».

Родители будущей звезды отечественного кинематографа: врач-инфекционист Авраам Петрович и больничный повар Эсфирь Исааковна Быстрицкие. 1950-е гг.

«Отец и мама очень любили друг друга. Их любовь одолела все – войну, разлуку, горе. Для меня они на всю жизнь остались примером верности и преданности высоким чувствам...»

(Элина Быстрицкая)

И вот хрупкая нежная девочка уже не столько пишет письма и смешит своими наивными рассуждениями бойцов, она наравне со взрослыми таскает тяжеленные носилки. Занятая каторжной работой среди крови и боли, Быстрицкая еще не знает, что война догонит ее через много лет после победы.

Когда мы говорим о войне, обычно начинается счет по-

гибших, раненых, искалеченных. Служа на фронте наравне со взрослыми, хрупкая санитарка Быстрицкая потеряла саму возможность когда-либо иметь детей! Нет, разумеется, Элина была невинная девочка и ничего предосудительного с ней не происходило, просто надорвалась, и... приговор врачей был неутешительный.

«Ты никогда не сможешь иметь собственных детей!» – смеялась, глядя в доверчивые глаза девочки-подростка, злобная богиня войны; или это была сама смерть? «Хочешь получить от войны хлеба, дай ей мяса», – вторила ей главная героиня пьесы Бертольта Брехта «Мамаша Кураж». Но Элина не искала военного хлеба! Она шла на фронт не за наградами, не за пайком. Все, чего она хотела, это работать для победы. Работать, чтобы помогать своим, чтобы не быть в стороне. Она ничего не собиралась брать у войны, только отдавать. Вот и отдала.

Получается, что война умудрилась отобрать у нее даже то, о чем она еще даже не помышляла, нанеся тяжелый удар в далеком будущем.

Но на то она и война, чтобы косить своей кровавой косой не только то, что есть, но и то, что еще даже не появилось, да теперь уже и не появится на свет.

Элина Быстрицкая с сестрой Софьей. 1941 г.

«Мама умоляла меня сберечь сестру. Я ей пообещала и свое слово сдержала. Я была вполне самостоятельной девушкой, мне можно было и сестричку доверить, и не опасаться, что наделаю глупостей. В войну выросли рано и быстро»

(Элина Быстрицкая)

Что же запомнилось тринадцатилетней девочке больше всего?

«Товарные вагоны-теплушки, двери отодвигаются в две стороны, и по обе стороны в два „этажа“ стоят нары, сколоченные из широких толстых досок. Я помню, что мы были на втором „этаже“. Рядом с нами оказалась доктор Шульга, беременная, животик у нее был уже достаточно большой. А

внизу – доктор Быховский. Вагон забили до отказа, я даже не знаю, сколько нас в него затолкали.

Туалета в теплушке, конечно, не было. Приспособили горшки, кастрюли и отгородили уголок ширмой. Вначале смущались, но вскоре привыкли. Вот так мы и ехали...

Самые жуткие воспоминания – бомбежки. Никогда не знаешь, не можешь предугадать, что будет в следующий момент. И не всегда удавалось выскочить из теплушки...»

Армейское начальство отправило медицинский поезд под Сталинград. К месту назначения прорывались под непрекращающимися бомбежками, причем немцы отлично видели красные кресты на крышах, но это их не останавливало. Когда начиналась бомбежка, раздавалась команда «Всем из вагонов!», и все, кто мог, бежали в степь, оставив беззащитный поезд, зачастую с лежащими ранеными в нем и теми врачами и медсестрами, которые просто не могли отойти от своих пациентов. Горели вагоны, взрывались бомбы, часть состава сходила с рельс, болезненно заваливаясь на бок.

Когда все заканчивалось, уцелевшие вагоны снова собирались в поезд. Погибших складывали на крыши вагонов, и эшелон снова спешил к заданной цели. После одной из таких бомбежек отец как раз и отправился добровольцем под Сталинград. Со стороны это выглядело самоубийством.

В это время госпиталь был отправлен в Уральск на переформирование, но часть личного состава, в том числе Эля, ее мама и сестренка Соня, отправились в Актюбинск, о ко-

тором ходила мрачная шутка: «из Актюбинска две дороги – в землю и на фронт».

Солдаты в товарном вагоне («теплушке») едут на защиту Москвы. 1942 г.

Что такое Актюбинск военного времени? Тыловой город, в который съезжаются раненые, эвакуированные, – словом, все те, кто бежит от войны или кого нужно там временно спрятать. А ведь всех этих людей необходимо куда-то поселить, чем-то накормить, как-то обогреть... Все школы были отданы под госпитали. Это был тыловой город, где сбились тысячи эвакуированных, раненых.

Жить в таких условиях сложно, впрочем, семья Быстриц-

ких не собиралась отсиживаться в тылу. Они ждали приказа на фронт, а приказа все не было. Пришлось снять комнату и приготовиться ждать. Еды не хватало. Но это еще полбеды – топить было нечем. А тут, как назло, начались суровые казахстанские морозы. Дров или угля купить невозможно, точнее, возможно, но только за бешеные деньги. Приходилось бродить по степи, собирая кизяки и сухую полынь. Разумеется, они моментально сгорали, хорошо, если успеешь испечь лепешки. Поели, и вроде как-то даже легче стало, теперь другая задача: каким-нибудь образом уснуть в ледяной постели и не замерзнуть к утру.

Наконец пришел долгожданный приказ «на фронт», точнее, мама нашла через военкомат их госпиталь и выхлопотала разрешение ехать. Семья, не раздумывая более ни дня, снялась с места и отправилась в Уральск, а оттуда уже со своими в Донецк.

Донецк остался в памяти сильным трупным запахом. «В городе было очень много незахороненных трупов. Шурфы шахт были заполнены сброшенными в них людьми. Донецк весь пропитался гнилью, тошнотворным запахом смерти. В развалинах еще прятались немцы, их отлавливали, отправляли на сборные пункты.

Город Сталино (ныне Донецк) в годы Великой Отечественной войны. Перекресток улицы Артема и проспекта 25-летия РККА

Запах смерти и тлена я помню, а время года – нет. Господи, почему я этого не помню? Может быть, потому, что краски природы не воспринимались, их просто не было, все вокруг черным-черно».

В Донецке Элина тяжело заболела. Без сознания на носилках девочку доставили в подвал железнодорожной поликлиники, где разместился главный корпус госпиталя – пять тысяч коек.

Долго болеть не получилось, и едва Элина сумела встать на ноги, ей пришлось работать наравне со всеми. А рабо-

ты было очень много, так что каждая пара рук была на счету. Подвалы нужно было очищать от мусора и битого кирпича, помещения чистили, мыли, ставили кровати. В свободное время приходилось бродить по городу и вытаскивать из руин разбомбленных домов уцелевшие вещи, которые еще можно было приспособить для нужд раненых и врачей.

Элина уже успела закончить двухмесячные курсы, после которых любая совершеннолетняя девушка автоматически становится медсестрой, но Быстрицкую по малолетству определили в лаборантки. И вот шатающаяся от слабости после болезни девочка обходит палаты, беря кровь на анализ и делая уколы...

Казалось бы, эта работа все-таки полегче, но когда приходили вагоны или машины с ранеными, принимать их выходили все без исключения. А это значит – опять тяжелые носилки. Тут нужно еще отметить, что госпиталь был сортировочным – то есть раненые поступали прямо с фронта и, получив первую помощь, отправлялись по другим госпиталям долечиваться. Иными словами, их поток был постоянным.

Наконец пришла долгожданная весточка от отца. Из-под Сталинграда его перебросили на Кавказ, там его часть попала в окружение, откуда нужно было выходить поодиночке или маленькими группками, в штатском, притворившись, будто бы ты мирный житель. Папа отрастил бороду, чтобы меньше походить на военного, так и спасся.

Элина Быстрицкая в старших классах школы. 1940-е гг.

После того, как Авраам Петрович выбрался из окружения и оказался за линией фронта, он первым делом принялся разыскивать свою семью. А это было непросто: госпиталь все время переезжал, двигался вместе с линией фронта, отступал или наступал вместе с нашими войсками.

После Донецка они перебрались в станицу Обливскую (Северный Донецк), где Элина впервые в жизни увидела самых настоящих казаков. Судьба заранее дарила ей возможность общения с этими людьми, возможность наблюдать за их бытом; должно быть, ее легендарная Аксинья из «Тихого дона» уже была прописана в судьбе девушки и теперь терпеливо ждала своего часа, как ждет солнечного света нерас-

крытый цветок. А ведь Элина тогда еще даже не помышляла о сцене.

Больше всего на свете нашей героине хотелось стать врачом, как ее отец, как люди, которыми она была окружена и которыми откровенно восхищалась.

Михаил Александрович Шолохов⁵ уже написал и два раза издал «Тихий Дон»: первый раз роман вышел в 1928–1932 годах в журнале «Октябрь» и второй раз перед самой войной, в 1937–1940 годах, в «Новом мире». Успела ли она прочитать этот судьбоносный для нее текст перед войной, или он догнал ее уже позже? Кто-то из журналистов писал, будто первая встреча с романом произошла в Донецке, где Шолохова очень любили. Красиво, но неверно. Элина Авраамовна рассказывает о своей встрече с романом со всей определенностью: «„Тихий Дон“ прочитала давно, когда мне было лет двадцать. Эта книга однажды попалась мне на глаза, я открыла ее и уже не смогла оторваться. Потом, уже в педагогическом институте, перечитывала роман снова и снова, но и думать не могла, что мне выпадет счастье играть Аксинью.

Михаил Александрович Шолохов (1905–1984) – русский советский писатель и киносценарист, журналист, военный корреспондент.

«Побеждает только тот, кто твердо знает, за что он сражается, и верит в свое дело»

(Михаил Шолохов)

Не могу сказать, что „Тихий Дон“ стал для меня некоей „библией“, просто это была дорогая для меня книга. И, ко-

нечно, я рыдала, читая про безумную любовь, которую Аксинья испытывала к Григорию, про несчастья, свалившиеся на нее... На втором семестре первого курса театрального института обязательным было исполнение отрывков из литературных произведений. Я выбрала сцену встречи Григория и Аксиньи в подсолнухах. И стала читать. В какой-то момент педагог сделал неопределенный жест и произнес:

– Це не ваше дило... Ото Луизу Шиллера грайте...

То есть не ваше это дело – такие роли... Вполне вероятно, что я не была еще готова к тому, чтобы сыграть такой глубокий драматизм. Но обида от этой пренебрежительной реплики осталась на долгие годы. Я была убеждена, что он неправ».

Но поезд не стоит на месте, юная Элина еще не помышляет ни о театре, ни о кино, ей бы выжить да своими глазами увидеть победу. Меж тем госпиталь добирается до Одессы. Девушка работала не покладая рук, молясь только об одном – чтобы ее не назначали на ночные дежурства: казалось, что ночью по коридорам госпиталя ходит Смерть. Злобное чудовище, уносящее души солдат, за которыми днем ухаживала Элина и ее подруги. «Меня редко назначали на ночные дежурства. Я их боялась, так как мне казалось, что ночью по пустым коридорам бродит смерть и заглядывает в палаты, где стонут от боли раненые».

Время от времени медсестры отдавали свою кровь бой-

цам; однажды и Элине пришлось стать донором для молодого человека с тяжелым ранением. «Не буду вдаваться в медицинские подробности, скажу лишь, что раненый и донор лежат рядом на столах, они „соединены“ так, что кровь из вены донора течет прямо в вены раненого. Я вошла... Лежал человек с закрытыми глазами, очень бледный, у него были темные волосы и очень длинные загнутые ресницы. Меня положили на стол рядом с ним, и моя кровь потекла в его вены. Взяли ее около 500 граммов. Я сильно ослабла. Сестры помогли мне встать со стола, отвели в комнату, где я могла отлежаться, – сильно кружилась голова. Одна из них по пути сказала: „Твоего крестника зовут Вася Харченко“».

«Мне мой отец объяснил жизнь в четыре акта: душу – Богу, сердце – женщине, жизнь – Отечеству, честь – никому. Мне кажется, это кредо подходит для каждого. Отец был очень хорошим специалистом – военный врач-инфекционист. И честь он понимал как главное достоинство»

(Элина Быстрицкая)

Считалось, что медсестра, согласившаяся стать донором, должна сама и выхаживать своего пациента, но Элина была всего лишь лаборанткой; тем не менее она старалась как можно чаще навещать Василия, разговаривала с ним, приносила подарки. Когда Вася поправился, его перевели в команду выздоравливающих. Такие команды находились при воинских частях.

Элина часто слышала, как медсестры ворковали между собой, собираясь на свидание с выздоравливающими, видела, как те красили губы, старались эффектнее уложить волосы, как потом, вернувшись, не стесняясь откровенничали о минутах блаженства наедине с любимым. Кто-то строил планы дальнейшей счастливой жизни, как они встретятся на Красной площади после войны, как поженятся, как заживут потом... Кто-то просто отмахивался: было, и слава богу, а чего-то ждать? На что-то надеяться? Пустое... Война все спишет.

Наслушавшись подруг, Элина тоже отправилась в гости к своему Васеньке. Никаких мыслей относительно «долго и счастливо», тем более «было и слава богу», у нее не возникало. Просто хотелось еще раз поговорить, посмеяться вместе, вспомнить госпиталь. Почему нет? Они ведь друзья?

Госпиталь в годы Великой Отечественной войны. 1943 г.

«Какой мне запомнилась война? Запомниться она могла тем, кто попал случайно на 5 минут в военную обстановку. А я 4 года в этом была...»

(Элина Быстрицкая)

Увидев ее, Василий страшно рассердился, наорал на ничего не понимающую девчущку и выгнал прочь. Наблюдая за странной сценой, бойцы глумливо посмеивались, куря и сплевывая себе под ноги.

Элина была подавлена и разочарована, подумалось, что, наверное, ему, герою-фронтовику, неудобно, что к нему приехала несовершеннолетняя девчонка. Сравнивая себя с дру-

гими медсестрами, Быстрицкая не могла не признать: конечно, у нее еще ни груди, ни каких других округлостей не имеется, и помады тоже нет, и волосы она заплетает, как до войны, в две косички, не пьет и не курит, но разве для дружбы все это нужно?

– Хороший парень тебе попался, пожалел девчонку... – резюмировала одна из медсестер, когда Элина по секрету поведала ей о своем неудачном путешествии.

После войны Быстрицкая встретила Васю Харченко, но, должно быть, это был действительно не ее принц. Спасибо, что живой. А что тут еще скажешь? Встретились, пообщались, и каждый пошел своей дорогой. Вторая встреча не впечатлила обоих. Но будет и третья – уже более важная для Быстрицкой. Во время ее работы в Малом театре Харченко снова найдет нашу героиню и познакомит с мамой. После того как Быстрицкая снимется в «Неоконченной повести», множество девушек, увлекшись образом ее героини – прекрасного врача и отзывчивого человека, пожелают связать свою жизнь с медициной. Пройдет еще сколько-то времени, и одна из них даже спасет ей жизнь. Все в этом мире так или иначе связано между собой. Впрочем, не будем слишком далеко забегать вперед.

В 1944-м Элину отправили с фронта в тыл – учиться. Все понимали: война вот-вот закончится, а девочке еще нужно как-то возвращаться к мирной жизни. Вместе с ней демобилизовалась мама, забрав с собой Сонечку, отец же оставался

на фронте. Было решено, что они отправятся домой, в Киев. Собственно, Элина родилась в Киеве, там был их дом.

Кадр из кинофильма «Неоконченная повесть». 1955 г.

Ключевое слово «был». Быстрицкие вернулись в буквальном смысле слова к руинам. В Киеве свободной жилплощади не нашлось, и пришлось ехать в Нежин, то есть возвращаться к самому началу, к тому, с чего начиналась война. Сначала снимали комнату у знакомой, врача-отоларинголога из госпиталя, потом получили комнатку на законных основаниях.

Элина Быстрицкая с сестрой Софьей. 2010-е гг.

Элина устроилась на трехгодичные акушерские курсы. На самом деле Быстрицкая имела полное право сразу поступить

на второй курс, все-таки уже была лаборанткой, да и военная практика наличествовала, но она решила не пользоваться этой льготой. В конце концов, один год ничего не решает, а так можно пропустить что-нибудь важное. В результате закончила курсы с отличием. И приняла пятнадцать детей.

Актерская профессия

Все знали, что Элина Быстрицкая станет врачом. Собственно, другие варианты не рассматривались и не обсуждались. Конечно, врачом, а кем еще, если она уже и лаборантка, и фельдшер-акушерка. Теперь только в медицинский.

Когда она сообщила родителям, что решила поступать в театральный, ее просто отказались понимать. Разве так бывает?! Все или почти все девочки любят наряжаться перед зеркалом и представлять себя великими актрисами, но Эля ничего подобного никогда не устраивала. Любила играть на бильярде, но это не считается.

Как раз напротив, все знали, что она боготворила отца и всегда мечтала пойти по его стопам. Серьезная, умная девочка, тем более прошедшая фронт, вдруг ни с того ни с сего заявляет: мол, всю жизнь мечтала играть на сцене. Бред!

Сама Элина пишет, что просто не решалась заявить во всеуслышание о своей настоящей мечте. А когда заявила, родители потребовали оставить глупости и, если она не желает поступать в медицинский, идти в педагогический. В то время в Нежине наличествовал только педагогический институт, так что особого выбора не наблюдалось. Пришлось подчиниться; впрочем, Элина не теряла надежды, что рано или поздно сделается актрисой.

«Для того чтобы жить, надо знать, чего ты хочешь. А если человек ничего не хочет, то ему и жить не надо»
(Элина Быстрицкая)

Когда она решилась во второй раз побеспокоить родителей со своей мечтой? Это случилось уже после войны, отец приехал на побывку из Дрездена, где в это время служил. Элина выбрала, как ей казалось, удобный момент и поставила родителей перед фактом: она поступает в театральный, и точка.

– Хорошо, только сначала я сам посмотрю, что это за институт такой, – неожиданно легко сдался Авраам Петрович. В назначенный день отец и дочь рука об руку отправились в заветный институт. Авраам Петрович надел по такому случаю парадную форму с орденами, на Элине было красивое специально пошитое платье. Девушка шла рядом с отцом по ковровой дорожке, чувствуя себя принцессой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.